

УДК 33.2964

ПОДХОДЫ РОССИИ И США К ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ: БИПОЛЯРНОСТЬ XXI ВЕКА

© 2016 г. **М.В. Братерский***

Статья поступила в редакцию 3.09.2015.

В центре внешнеполитической стратегии России сегодня находится политика создания альтернативных платёжных, валютных и инвестиционных институтов и рынков, находящихся вне политического, финансового и нормативного контроля Запада. Запад также постепенно отходит от идеи построения глобального либерального экономического порядка, основанного на лидерстве США, и консолидирует свои рынки, формируя собственные торгово-экономические объединения.

Географическая конфигурация новых рынков демонстрирует тот факт, что в современном мире доминирует тенденция к формированию гигантских региональных или квазиглобальных рынков, построенных по идеологическому и геополитическим принципам. Проявляются первые признаки новой биполярности, в этот раз её видимыми чертами становятся торговля и финансы. Особенно чётко этот процесс проявился в ходе украинского кризиса.

Ключевые слова: *региональные экономические объединения; новая биполярность, гигантские рынки, украинский кризис*

Основное внимание наблюдателей, экспертов и политиков сегодня приковано к двум крупным кризисам: глобальным экономическим потрясениям, связанным с падением цен на нефть, ослаблением валют стран товарной группы, замедлением экономического роста в Китае и растущей волатильностью фондовых рынков, а также к военно-политическому кризису на Украине. Несмотря на то что оба кризиса имеют разную природу, они демонстрируют кризисные явления в системе мирового управления, как экономического, так и политического. Сложившаяся система мировых экономических институтов и режимов показывает свою неспособность обеспечить глобальную экономическую стабильность и равномерный экономический рост, а мировая политическая система всё чаще генерирует военные и политические кризисы. Следует заметить и то, что в корне нарастающих экономических и политических проблем

***БРАТЕРСКИЙ Максим Владимирович** – доктор политических наук, профессор НИУ-ВШЭ, Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20; старший научный сотрудник Института США и Канады РАН, Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3 (bratersky@gmail.com).

Статья написана при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (14-07-00059) «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

просматривается один и тот же источник: нынешняя несбалансированная архитектура мировой системы.

Нынешнее небывало низкое состояние российско-американских отношений является частью этой картины и отражает растущие противоречия между двумя странами почти по всему кругу стратегических экономических и политических вопросов. Стратегические интеграционные проекты, продвигаемые Соединёнными Штатами и Российской Федерацией, намечают контуры мировой экономической и политической архитектуры, которая будет существенно отличаться от сегодняшней. В предлагаемой статье мы остановимся на системных факторах, модифицирующих систему политического и экономического управления, и месте США и РФ в процессе её перестройки.

США: от глобализации к регионализации

Мировую систему, как она сформировалась в начале 1990-х годов и просуществовала до начала – середины 2000-х годов, иногда называют однополярной, подчёркивая неоспоримое американское превосходство почти во всех областях перед другими государствами. При этом особый акцент делается на американском военно-политическом могуществе.

Следует обратить внимание на то, что военно-политическая мощь Соединённых Штатов – это важная, но не исчерпывающая характеристика этой модели. Своей мощью США поддерживают определённую систему институтов и правил, которая обеспечивают им центральное место в мировой экономической сфере. Эта система характеризуется центральной ролью американского доллара как глобальной резервной валюты и, следовательно, глобальной ролью ФРС; технологическим монополизмом развитых стран во главе с США, охраняемой правилами о защите интеллектуальной собственности; центральной ролью западного капитала и западных финансовых институтов; специфической формой мирового разделения труда (дорогой на Западе и дешёвый вне Западе); управление глобальными цепочками создания стоимости, при котором наиболее прибыльные его участки локализованы в развитых странах; контролем Запада над инфраструктурой мировой экономики (институты, правила, арбитраж, стандарты, сертификация, логистика, реклама, коммуникации, информация) [20]. В фундаменте этой системы лежит идея абсолютного выигрыша (неважно, как распределяются выгоды от взаимодействия США с другими странами, главное, что все что-то выигрывают, и не принципиально, что США выигрывают больше других) и управляемой стабильности – у системы должен быть лидер, который её и поддерживает.

Интеграция в такую систему, которую также можно охарактеризовать как углубление «классической» глобализации, для третьих стран означает подчинение национальных интересов внешним правилам, соответствие своей политической системы, законодательства и институтов требованиям центра мирового управления и того места в мировой экономике, которое существующее разделение труда и капитала готово стране предложить (идея относительных и абсолютных преимуществ). Взамен страна получает гарантии безопасности [21], доступ к системе мировой торговли и обмена валют, доступ к между-

народному (западному) кредиту, наполнение внутреннего рынка дешёвыми и качественными товарами. Сделка взаимовыгодная, хотя и асимметричная. Заключая её, уже имеющие преимущества страны (капитал, технологии) получают безопасность и рынки для своего капитала и технологий, а страны, не имеющие этих преимуществ, получают безопасность, наполнение своего рынка иностранным капиталом и технологиями и отдельные, в основном низкотехнологичные и низкодоходные ниши на рынках стран-лидеров.

Описанную модель устройства мировой экономико-политической системы можно назвать моделью глобализации по-американски, так как именно она и реализовывалась в мире в 1990-х – начале 2000-х годов. Со временем модель начала давать сбои, что и стало проявляться в ослаблении мировой стабильности в 2010-х. Среди многих причин, приведших к остановке глобализации по-американски (нехватка ресурсов на поддержание миропорядка, плохое качество глобального управления и проч.) [22], следует выделить два фактора. Во-первых, Соединённые Штаты осознали, что, пользуясь формальным демократизмом модели, основные выгоды от глобализации в 2000-х годов стали получать уже не столько её инициаторы, сколько страны, «проехавшиеся зайцем» – Китай, Индия, Россия [19]. Издержки на содержание модели они нести не соглашались, а её преимуществами пользовались. Во-вторых, всё более явно проявлялась институциональная проблема стран (в основном, тех же самых), которые могут обеспечить свою безопасность сами, и, следовательно, не имеют сильных стимулов подчинения национальных интересов внешним правилам. Для них на первое место выходит вопрос о своей экономической конкурентоспособности, эндогенном экономическом росте, т.е. способности привлекать капитал, а также привлекать/создавать технологии. И первая, и вторая задачи решаются только при условии получения контроля над достаточно большими рынками, и в этом вопросе амбициозные экономики как раз и сталкиваются с интересами инициаторов глобализации, которые планировали превратить всю планету в свой рынок.

В результате, в политическом плане усиливаются тенденции к многополярности, в экономическом – тенденции к формированию крупных региональных экономических блоков, конкурирующих между собой. Очень отдалённо ситуация начинает напоминать раздел мира между колониальными империалистическими державами конца XIX – начала XX века, с той лишь разницей, что формирующиеся транснациональные экономики создаются не на основе силового захвата колоний, а по взаимному согласию, и их экономические границы охраняются не военной силой, а тарифными и нетарифными ограничениями.

Политическая рациональность формирования транснациональных экономических блоков выражается в выведении политических конкурентов за рамки структуры и консолидации политических позиций страны-гегемона (организатора блока). Заметным становится и идеологический компонент формирования таких зон, определяемый, как правило, в форме общих ценностей. В некоторых случаях в качестве идеологической ценностной основы мы видим либеральную демократию (атлантический проект), в других – другие формы политической организации, например, «лидерскую демократию» [6], принципы суверенитета и проч.

Экономическая рациональность формирования гигантских экономических блоков требует более подробной аргументации.

Традиционно при обсуждении экономических преимуществ интеграции авторы рассматривают интеграцию изнутри формирующегося экономического блока, представляя его как изолированную экономическую территорию. Первые изоляционистские исследования экономической эффективности интеграции зародились достаточно давно, в 1950-х годах. Среди наиболее влиятельных исследований этого периода выделяются работы Винера [23], Мида [18] и Липси [16], где показывается, что формирование региональных интеграционных схем приводит к интенсификации торговли между странами-участницами, и, следовательно, создаёт дополнительную стоимость. Данный вывод основан на классических теоремах политэкономии о выгоде торговли.

Красной нитью в подобных экономических исследованиях проходит мысль о том, что региональные торговые соглашения уменьшают «фактор трения» в межстрановых экономических связях и тем самым увеличивают генерацию богатства. К такого же рода изоляционистским объяснениям относится идея оптимальных валютных зон (элиминирование валютных рисков и затрат на обмен валют) [13], а также идея об использовании преимуществ крупной экономики: производители из стран-участниц получают доступ к более широкому рынку и могут производить продукцию большими сериями, снижая себестоимость каждой единицы продукции. Стоит вспомнить об аргументах функционалистов, полагающих, что экономическая интеграция стимулирует создание совместных институтов, которые поднимают экономическое сотрудничество на новый уровень и тем самым повышают благосостояние участников [14]. Представлены также и свидетельства того, что региональные интеграционные институты в какой-то степени могут компенсировать неизбежные «провалы рынка» [12].

Современная наука и практика ни в коей мере не отменяет приведённых аргументов изоляционистского характера. Вместе с тем, такого рода объяснения основываются, прежде всего, на признании выгод свободной торговли и, соответственно, вреде тарифов. При этом полезно будет напомнить, что в последние десятилетия мир далеко продвинулся по пути либерализации торговли, и тарифы в большинстве случаев уже находятся на очень низком уровне, а порой и вовсе отсутствуют. В нынешней ситуации низких тарифов экономические выгоды от увеличения торговли в создаваемых региональных объединениях невелики. Так, по некоторым прогнозам, экономические выгоды США и ЕС от увеличения торговли в результате подписания Соглашения о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП) лишь в том, что касается тарифов весьма скромны – 0,27% для ЕС и 0,21% для США (прогноз британского Центра исследования экономической политики (*CERP* <http://www.cerp.org>) и даже 0% (прогноз французского Центра исследований мировой экономики (*CEPII* <http://www.cepii.fr>)).

Заметим, что и прогнозы экономических выгод от увеличения торговли для стран – участниц другого экономического объединения – Таможенного союза (Евразийского экономического Союза) – также не обещали золотых гор: прогноз Центра развития НИУ–ВШЭ обещал нулевой рост ВВП для России, и 1–1,5% роста для других стран-участниц в долгой перспективе [1], а прогноз Ин-

ститута экономического прогнозирования РАН – дополнительные 6,5% для России, 8% для Белоруссии и 5% для Казахстана за 10 лет и только при выполнении множества условий [7].

Вместе с тем, мы видим, что подобные проекты пользуются устойчивой политической поддержкой. По-видимому, выгоды от этих проектов следует искать не столько в традиционных изоляционистских объяснениях, сколько в идеях, связанных с экономической конкуренцией крупных интеграционных блоков в глобальной экономике, т.е. геэкономических концепциях. Среди таких объяснений прежде всего следует привести следующие:

1) идея «рыночной силы» экономического блока в отношении конкурентов. Эта теория утверждает, что создание регионального интеграционного объединения создаёт более объёмный внутренний рынок, что усиливает его конкурентную мощь и позволяет странам-участницам совместно установить оптимальные тарифы в торговле с внешним миром [15];

2) идея конкуренции за международный капитал и инвестиции. Крупный капитал (многонациональные компании) не могут себе позволить игнорировать крупные потребительские рынки, создаваемые при интеграционных объединениях, в результате они вынуждены туда приходить и инвестировать, причём инвестировать на условиях принимающей стороны. Данное объяснение отталкивается от теории конкуренции государств, сформулированной Р. Паланом [20];

3) идея формирования крупных рынков, необходимых для разработки, создания и поддержания конкурентоспособности дорогой высокотехнологичной продукции [5];

4) идея формирования таких международных цепочек создания стоимости, при которых наиболее выгодные их компоненты (в основном услуги: исследования и разработки, финансирование, маркетинг, центры прибыли) находились бы внутри объединения, а менее выгодные (производство и сборка) – вне его [17].

Таким образом, на фоне торможения «глобализации по-американски» не только страны-конкуренты (КНР, Россия, ЮАР, страны ЕС), но и сами Соединённые Штаты всё больше склоняются к политике регионализации. Это не означает добровольного оступления Соединёнными Штатами с позиций, завоеванных в глобальной экономической системе. Но в фокусе внимания США сегодня оказываются не глобальные форматы экономического взаимодействия вроде Дохийского раунда переговоров, а проекты формирования двух гигантских экономических блоков – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнёрства (ТТП). Это гигантские, развитые и платёжеспособные рынки, которые могут полностью обеспечить экономические потребности США, а оставшиеся вне их рынки можно при необходимости игнорировать, особенно ввиду укрепления новой энергетической независимости США.

Россия: от американоцентричного мира к миру экономических блоков

Несовместимость западного и российского понимания интеграции России в «Большой Запад» присутствовала в российско-американских и российско-

европейских (России и ЕС, прежде всего) отношениях с самого начала, но если вначале обе стороны не стремились демонстрировать имеющиеся противоречия, то с годами находили всё менее нужным соблюдать молчание по поводу растущих разногласий. В политической области Запад считал Россию проигравшей в «холодной войне» державой и не признавал за ней ни прав на интересы безопасности, ни на рынки, которые у России методично отбирались. В экономической сфере Запад подталкивал глубокую интеграцию России в мировую экономику на либеральных принципах, активно противясь любым проявлениям монополизма во внешней торговле, протекционизма и попыткам проведения национальной промышленной политики, что вкупе с выдавливанием России с её традиционных рынков Центральной и Восточной Европы, а также Ближнего Востока, превратили страну в экономическую полуколонию, технологически и финансово зависимую от Запада. В политической области Запад всячески противился сохранению в России такого режима, который мог бы обеспечить концентрацию ресурсов на политически приоритетных направлениях и действовать от лица российской экономики в целом, в том числе заставлять российских экономических игроков вести скоординированную экономическую политику в отношении зарубежных контрагентов.

Запад готов был интегрировать Россию и в экономическом плане в существенной степени в этом преуспел, но не желал интегрировать Россию как единое целое, обладающее суверенитетом, национальным интересом, волей и возможностью эти интересы продвигать. Напротив, в качестве объектов интеграции Запад устраивала исключительно совокупность отдельных российских экономических и политических игроков, действующих в рациональных, эгоистических интересах и не способных объединять свои усилия для получения общих преимуществ.

Россию 2000-х годов такая форма интеграции перестала устраивать, и она начала поднимать вопрос о «большой сделке» – общей договорённости о включении России в систему западных институтов (НАТО, ЕС) Россия выдвигала идеи соединения экономического потенциала Европы с российским в форме «Единой Европы от Атлантики до Урала», предложения перестройки существующей в Европе системы безопасности с участием России, настаивала на установлении безвизового режима в отношениях России и ЕС. Эти предложения не были пропагандистскими, Россия вполне серьёзно была настроена на кардинальное сближение с Западом, прежде всего с Европой. Ни одно из этих предложений не получило серьёзного развития – они были торпедированы Соединёнными Штатами, опасавшимися потери своего влияния на европейские дела, и теми европейцами, которые видят в существовании единой и управляемой России исключительно угрозу и проблему.

В этой ситуации Запад не стал сохранять и статус-кво и провёл несколько волн расширения НАТО и ЕС, придвинувшись вплотную к границам России, усилил свой военный потенциал бывшими союзниками СССР, а экономический – активами, ранее составлявшими мир СЭВ. В середине 2000-х годов ЕС также начал ограничивать возможности для продуктивных инвестиций в Европе российского капитала и заработка национальных российских компаний,

стремясь снизить свои расходы и доходы российской стороны нерыночными методами.

Противоречия между Западом, прежде всего США, и Россией перешли в острую фазу в 2008 г., после грузино-российского конфликта в Южной Осетии, который был спровоцирован атлантическими инициативами по включению в НАТО Грузии и Украины и тупиком, образовавшимся на переговорах о разработке стратегического соглашения о сотрудничестве между Россией и ЕС.

В 2009 г. после саммита *G-20* в Лондоне Россия пришла к выводу о том, что её интересы не соответствуют существующей финансово-валютной системе, управляемой Западом, а окончательно идея интеграции с Западом была отодвинута в 2013–2014 гг. в результате информационной войны Запада против Олимпиады в Сочи, Сирийского кризиса и острейшего кризиса, разразившегося на Украине.

Собственный геозкономический проект. До второй половины 2000-х годов в качестве своей стратегической задачи Россия видела объединение с Европой на приемлемых условиях – с сохранением политического суверенитета, собственной системы управления государством и экономикой. Россия соглашалась с перспективой эволюции своей системы права и госуправления в сторону европейских норм, но настаивала на гармонизации европейских и российских подходов, не соглашаясь с односторонней «нормативной» агрессией Европы. В связи с этим в России широко обсуждалась идея «Соединённых Штатов Европы», подчёркивался европейский характер российского государства и цивилизации, выдвигалась концепция синергии европейских капитала и технологий с российскими природными и человеческими ресурсами, а также российской «жёсткой силой», что в совокупности обеспечило бы конкурентоспособность континента в глобальной экономике и сформировало бы третий центр силы мировой системы наряду с США и КНР. Таким образом, Россия вела речь о равноправном объединении, прежде всего в экономической сфере, а не об односторонней сдаче своих позиций.

Отдельные европейские государства проявляли интерес к такой позиции Москвы, но ЕС в целом, «новоевропейцы» и стоящие за ними США успешно противодействовали такому направлению дискуссии. ЕС требовала, чтобы Россией принята европейские нормы и принципы, которые устранили бы последние препятствия к потере Россией остатков конкурентоспособности. Российское государство, выполняющее роль регулятора в отношениях между глобальной и национальной экономиками лишилось бы своей контролирующей роли. Национальные бюджетотформирующие отрасли были бы монополизированы, потеряли бы свои преимущества перед западными компаниями и были бы вынуждены конкурировать в глобальной экономике исключительно в ценовой и финансовой областях, где у западных игроков существуют преимущества и в доступе к капиталу и институтам. Оборонно-промышленный комплекс был бы ослаблен и со временем уничтожен, сельское хозяйство не выдержало бы конкуренции с субсидированной европейской продукцией. В перспективе под вопросом оказалась бы и территориальная целостность страны. Относительная слабость экономических связей между различными регионами РФ не смогла бы обеспечить перераспределение ресурсов в общенациональ-

ных интересах, а атомизация российской политики и федеративной системы привели бы к переориентации отдельных регионов на интересы зарубежных партнёров вместо интересов единой нации.

С другой стороны, для России становилось очевидным, что её дальнейшая интеграция в мировую экономику в рамках западной модели глобализации ведёт к консервации технологической и экономической зависимости страны. Россия продолжала видеть себя как одну из ведущих промышленных и научно-технических держав, испытывающую временные трудности, и не оставляла надежды на возрождение своей промышленности и создание развитого сектора услуг. Однако открытая экономика, строившаяся Россией в 1990–2000-х годах, запирала страну в нише сырьевого придатка развитого мира и не предлагала международному, да и национальному капиталу достаточных стимулов для инвестирования в современные производства и НИОКР на территории России. Без сомнения, таким инвестициям препятствовало и несовершенство инвестиционного климата в России, но даже его относительное улучшение в конце 2000-х годов не изменило ситуацию кардинальным образом. В развитом мире накоплены достаточные производственные мощности для обслуживания всех российских потребностей, и их перенос в Россию вёл бы к потерям Запада в рабочих местах, бюджетных доходах и общем богатстве. С точки зрения международного капитала, экономически наиболее эффективной политикой был импорт в страну товаров и услуг из развитого мира в обмен на российское сырьё. Таково свойство открытой экономики: она позволяет максимизировать эффективность национальной экономики в рамках концепции относительных издержек, но не даёт стимулов к качественному изменению этой экономики и выводу её на новый высокий уровень.

Путь повышения своей привлекательности для международного капитала за счёт понижения издержек, прежде всего социальных, Россия принимать отказывалась. Взамен Москва активизировала создание собственного геоэкономического проекта, который, обладая существенной «рыночной силой», большим потребительским рынком, усилил бы позиции России в переговорах с международным капиталом и международными торговыми и финансовыми институтами.

В рамках глобальной конкуренции за капитал, технологии и прибыли России пришлось выбирать между присоединением к гигантским экономикам XXI века, ЕС или американским проектам – в виде подчинённого источника сырья и потребителя импортной продукции, и созданием собственного регионального экономического объединения, которое заставило бы международный капитал прийти на российский рынок на российских условиях, обеспечив ей проведение новой индустриальной политики. Отдельным вариантом виделась идея экономического и политического сближения с Китаем как на основе растущих двусторонних связей, так и в рамках существующих общих институтов, прежде всего ШОС и БРИКС.

Без сомнения, создание Таможенного Евразийского экономического союза совместно с Казахстаном и Белоруссией, Арменией и Киргизией преследовало и другие экономические (развитие внутренней торговли, экономики масштаба, частичное восстановление производственной кооперации, возможно, создание

региональной валюты) и политические цели (создание нового центра силы). Вместе с тем, главная его задача – не восстановление СССР как политической единицы, а построение более гармоничной и современной экономики и укрепление своих позиций в переговорах об условиях интеграции в глобальную экономику. Следует заметить, что успех такого проекта важен при любой геоэкономической ориентации России – и западной, и восточной. Также следует заметить, что украинская операция США и ЕС была воспринята Россией не только как угроза национальной безопасности страны, но и как атака на этот план, призванный вывести Россию на более сильные позиции в мировой экономике.

Точка бифуркации: украинский кризис

Политический кризис на Украине обнажил конфликтную природу двух усиливающихся процессов: поворота России вместе с некоторыми другими странами к политике экономического национализма и отказу участвовать в глобализации по-американски, и усилиям по ограничению внешней экспансии американских и европейского торгово-экономических блоков путём создания собственных экономических союзов как самостоятельно, так и в сотрудничестве с КНР и странами БРИКС.

В таком контексте украинский конфликт представляется частью более широкой картины: во-первых, столкновения интересов Запада (США, Германии) и России (самой по себе или в качестве одного из лидеров не-Запада) и, во-вторых, как результат восстания России против гегемонии Запада (США, Германии в Европе). Центром конфликта оказалось столкновение двух торгово-экономических проектов – глобального американского (американоцентричный либерально-рыночный проект) и вписанного в него регионального европейского и российского – регионального евразийского экономического проекта, налаживающего взаимодействие с китайским.

Рассмотрим предлагаемые объяснения восточно-украинского конфликта подробнее.

Столкновение двух экспансионистских экономических проектов – проекта экономической экспансии ЕС (Германии) в форме Восточного партнёрства и Евразийского экономического союза, поддерживаемого Россией. В пользу данного объяснения свидетельствует тот факт, что непосредственным поводом к политическому кризису в Киеве, приведшему к государственному перевороту, а потом и к гражданской войне, стал отказ президента Януковича подписать Соглашение об экономической ассоциации с ЕС (точнее, откладывание им подписания документа на будущее).

В рамках этой интерпретации ЕС рассматривается прежде всего как экономический проект, спонсируемый Германией, что вызвано экспортной структурой её экономики и заинтересованности в расширении экспортных рынков. Германия была инициатором нескольких волн расширения ЕС, так как получала в результате расширения всё более объёмные рынки. Вместе с тем, после нескольких волн расширения в 2000-х годах Европейский Союз столкнулся с рядом структурных, институциональных, экономических и валютных проблем. Кроме того, он практически вышел на границы того, что он считает Европой, и

вынужден был остановить процесс расширения. Интерес к расширению рынков, тем не менее, сохранился, но делать это через увеличение числа членов Союза, как ранее, стало невозможно. Была принята другая стратегия – «Средиземноморский Союз» для Северной Африки и «Восточное партнёрство» для стран бывшего СССР (кроме России). С точки зрения России, проект имел однозначную антироссийскую направленность. Он ставил своей задачей дальнейшую демократизацию соседей (устройство «цветных революций» в российском понимании); укрепление совместной энергобезопасности (строительство трубопроводов в обход России и выталкивание её с европейского энергетического рынка, как это видела Россия) и развитие торговли (захват рынков, подчинение местных технических норм и стандартов европейским, выталкивание оттуда российских товаров и выталкивание местных товаров, изготовленных по низким стандартам, на российский рынок).

В то же время, разочаровавшись в месте сырьёвого придатка, которое ей представляла глобализированная мировая экономика, где капитал и технологии, по большей части, контролируются Западом, Россия выступила с собственным проектом – Евразийского экономического союза. Основной задачей проекта было и есть не укрепление российского военно-политического доминирования на пространстве бывшего СССР, а создание крупных рынков, наличие которых позволило бы провести новую индустриализацию стран-участниц, а также повышение конкурентоспособности объединения в целом визи интеграционным проектам в Европе, на Тихом океане, в Атлантике и других частях света. Украина являлась ключевой страной для этого проекта, и попытки втянуть Украину в «Восточное партнёрство» Россия расценила как атаку на её интеграционных проект с целью его подорвать. Личное участие западных политиков в событиях на Майдане ещё более укрепило Россию в таком понимании.

Столкновение Запада и не-Запада в наиболее слабом звене

Предлагаемая интерпретация причин и сущности восточноукраинского конфликта имеет несколько вариантов. Конфликт рассматривается как столкновение цивилизаций (западной и незападной); как столкновение обществ постмодерна и обществ с традиционными христианскими ценностями [10]; как столкновение обществ по границе первичной и вторичной секуляризации [3], конфликт между либеральной демократией и консервативным реализмом [11]. Наиболее инструментальным, однако, выглядит вариант интерпретации украинского конфликта как столкновение американоцентричного либерально-рыночного порядка с группой стран, в данном случае представленных Россией, которые а) выступают за сохранение ялтинского порядка в полицентричной версии и б) требуют учёта их интересов в отношении мирового валютного, финансового и технологического устройства. Другими словами, украинский конфликт предстаёт как столкновение монополярного и многополярного мира, основанного на либеральной идее, и мира, основанного на балансе сил и интересов [8].

В рамках данного дискурса либеральный мировой порядок, навязываемый Западом в целом и Соединёнными Штатами в частности, видится не в той его

части, которая стимулирует международное сотрудничество, а в той части, которая предполагает существование единого гегемона, обеспечивающего порядок в системе (идея управляемой стабильности).

Критики однополярного мира акцентируют внимание на разных моментах, характерных для такой системы и в разной степени неприемлемых для государств, представляющих не-Запад. Во-первых, незападные критики недовольны качеством управления как в политической области (хаос на Ближнем и Среднем Востоке в результате преступных ошибок, совершённых Западом в целом и Соединёнными Штатами в частности), так и в экономической (кризис 2007–2008 г., нежелание и неспособность предложить монетарную политику, принимающую во внимание положение в экономическом цикле растущих экономик). Во-вторых, они видят мир меркантилистскими глазами и не приемлют подход, когда выгоды от мировой торговли, финансовой системы, технологического трансфера и прочего распределяются в пользу стран Запада. В-третьих, их не устраивает монополизация Западом международных экономических институтов (МВФ, ВТО). В-четвёртых, они не согласны с агрессивным унилатерализмом Запада, присвоением им возможности нарушать международное право, в частности, в области суверенитета. В-пятых, они не считают западную политическую и социальную модель универсальной и выступают против её экспорта в другие государства, особенно путём смены режимов и государственных переворотов. Есть и другие поводы для критики и несогласия.

С точки зрения данного подхода, Украина стала первым случаем столкновения двух противоположных видений мира, представленных *G-7* – организацией стран Запада, избавившихся от идеологически чуждой им России и так и не пригласивших идеологически чуждый им Китай, и странами БРИКС и МИНТ – крупными представителями другого мира других систем ценностей. Однополярный либеральный мир пытается навязать свою волю многополярному нелиберальному миру, показательно приструнив Россию [4].

Геополитические объяснения. Данное видение сущности восточноукраинского конфликта также имеет несколько вариантов интерпретации. Одним из вариантов является понимание цели украинского конфликта как способа силового сдерживания России и предотвращение формирования мощного геополитического центра силы в Евразии. Такое толкование опирается на объяснение «холодной войны» также геополитическими, а не идеологическими причинами. Другая интерпретация геополитических причин конфликта акцентирует внимание на цели предотвращения Соединёнными Штатами формирования экономического (а, возможно, и политического) альянса между Европой и Россией. Экстремальные варианты геополитической трактовки восточноукраинского конфликта видят задачи Запада в отношении России в диапазоне от её ядерного разоружения и навязывания ей такой формы политической системы, которая сделал бы Россию окончательно несамостоятельной до уничтожения России как единого государства и постепенного поглощения её по кускам Западом. Более мягким вариантом геополитического объяснения нынешнего конфликта выступает искусственное создание на границах России тлеющего конфликта, втягивание в него России для её ослабления и вбивание клина между Россией и старыми членами ЕС для возобновления американского лидерства в

Европе через НАТО и механизмы атлантической солидарности. Результатом усиления американского влияния в Европе также должно стать подписание Соглашения о трансатлантическом инвестиционном и торговом партнёрстве на американских условиях.

Экономическое сдерживание России, атака на её рынки и подрыв её экономики с целью смены режима. Предыдущие военные и политические интервенции Соединённых Штатов (Ирак, Ливия, Сирия) осуществлялись против стран и режимов, с которыми Советский Союз и в последующем Россия имели хорошие торгово-экономические отношения. Там были российские инвестиции, на эти рынки Россия экспортирует свои товары. В результате западных действий режимы изменены, экономики этих стран уничтожены, а Россия потеряла свои экспортные рынки. Украинский кризис является продолжением этой политики, и с его помощью Соединённые Штаты решают несколько задач: 1) лишение России украинского рынка и потеря Россией своих инвестиций и активов в Украине; 2) создание на экспортных путях России зоны нестабильности, что ставит под угрозу энергобезопасность Европы и подтолкнёт европейцев к отказу от импорта энергии из России и покупке более дорогого американского сланцевого газа. Тем самым Россия потеряет свой важнейший европейский рынок газа. Это нанесёт удар по российской экономике и бюджету, росту социального недовольства и недовольству экономических элит и ослабит нынешний режим в Кремле.

Итак, украинский кризис стал точкой, когда стороны сбросили маски и перешли к открытой борьбе, где в ход пошли политическое давление и угрозы и экономические санкции. Данная статья не ставит своей целью анализировать экономическую и политическую эффективность применяемых сторонами санкций, но предполагает коротко остановиться на созидательной стороне текущего кризиса. Продолжающееся противостояние существенно ускорило процесс пересмотра Россией своей политики в отношении участия в глобализации по-американски, подтолкнули процессы формирования Евразийского экономического союза, создали почву для объединения российского и китайского региональных проектов.

Ускорение процесса регионализации: санкции как механизм транзита России к политике экономического регионализма

В последние годы ввиду растущего понимания невозможности достичь заявленных целей национального экономического развития (реиндустриализация, модернизация, импортозамещение в ключевых областях, размещение ключевых для национальной безопасности производств в зоне национального политического суверенитета) в условиях полностью открытой экономики руководство РФ поставило задачу ренационализации, т.е. трансформации экономической стратегии в сторону политики экономического национализма. Стало расти понимание того, что в условиях открытой экономики и свободного инвестирования и перетока капиталов РФ не может гарантировать иностранные и внутренние инвестиции в те отрасли, которые представлялись государству

приоритетными. Важное место во внешнеполитической стратегии заняли задачи формирования собственного торгово-экономического блока, совместных финансовых и экономических институтов с незападными странами, совместного создания с незападными партнёрами крупных рынков, которые привели бы к появлению промышленности и технологий, контролируемых национальными государствами и капиталом.

Важнейшим и центральным моментом в принимаемых мерах является нахождение относительно удачного компромисса между экономической эффективностью, которая обеспечивается открытой экономикой, и интересами национальной безопасности в широком смысле, которые обеспечиваются протекционистскими мерами.

Политический кризис, разразившийся в отношениях России и Запада, самым непосредственным образом проявляется в экономической сфере как в виде взаимных экономических санкций, так и в процессе схлопывания старых рынков и формирования новых.

В этих процессах проявляются две известные политэкономические закономерности: 1) сопряжение внешнеторговой политики страны с интересами национальной безопасности государства и 2) более интенсивное развитие торговых отношений по линиям политических и военных союзов. В политике России мы видим присутствие как первого, так и второго фактора. В настоящее время мы наблюдаем глубокую трансформацию ряда рынков:

1) закрытие / уход с западного рынка капитала (прежде всего Лондона, Нью-Йорка и Франкфурта) российских госкомпаний и госбанков. По данным ЦБ РФ, динамика присутствия России на западных финансовых рынках выглядит так: общий внешний долг РФ постоянно снижается: с 728 864 млн. долл. (01.01.2014) до 555 862 млн. долл. (01.04.2015), а долг частного сектора (российских банков и компаний) – с 651 158 млн. долл. (01.01.2014) до 510 633 млн. долл. (01.04.2015) [9].

В качестве замещения исчезающих рынков формируются три альтернативных варианта: а) выход на азиатские рынки капитала, прежде всего на рынок Гонконга; б) кредитование энергетических проектов на востоке РФ за счёт китайских партнёров; в) предложение внутренних кредитных ресурсов для замещения зарубежных (распечатывание ФНБ, программа ЦБ по кредитованию крупных проектов);

2) диверсификация экспортного рынка нефти и газа за счёт переориентации части экспорта на Восток – прежде всего, в Китай. Следующими новыми партнёрами в регионе станут Южная Корея и Индия. Эта стратегия должна компенсировать снижение доходности европейского рынка в результате политических усилий Евросоюза и США по выдавливанию оттуда России и перевести энергодиалог Россия – ЕС в формат диалога равноправных, а не асимметричных партнёров;

3) смена западных поставщиков продовольствия на незападных. Предполагается, что и российские производители нарастят производство сельхозпродукции, но видно, что импорт продовольствия рассматривается Россией сегодня как некий шаг навстречу, свидетельство симпатии. Он выглядит полностью политически обусловленным, так как легко замещаем;

4) ВПК РФ пошёл по пути импортозамещения, международное сотрудничество в целом (за исключением Китая и Индии) больше не рассматривается как долговременное и надёжное.

Таким образом, мы наблюдаем, как рынки взаимодействия с РФ, созданные западными игроками, сжимаются, а их место занимают рынки, создаваемые РФ с незападными странами, или внутренний рынок России.

США и Россия в мире экономических блоков

XXI век стал временем глобального «переопределения» сил в мире – экономических, военных, идейных, временем возвращения государств в мировую политику и существенной коррекции процессов глобализации. Незападный мир уже превосходит западный не только по населению, территории и ресурсам, но и экономически. Следует ожидать скорой коррекции мировой политической системы, системы управления мировыми финансами, системы распределения доходов от мировой экономики, когда незападный мир либо потребует своей доли власти в мировой системе, либо сформирует свою систему, альтернативную западной.

Недовольство России существующим порядком вещей – когда её интересы не принимались во внимание, а Запад, напротив, не устанавливал для себя никаких ограничений и агрессивно продвигал свои геополитические и экономические интересы – нарастало уже давно. Знаковыми моментами в росте неприятия Россией навязываемой ей парадигмы стало последовательное расширение НАТО и ЕС на Восток, размещение европейской подсистемы ПРО, агрессия против Югославии, интервенции в Ирак и Ливию, сирийский кризис, попытка установить протекторат Запада над Украиной. Растущие разногласия затрагивают не только интересы национальной безопасности, но и вопросы управления мировой экономикой и распределения доходов от неё, а также идейно-ценностную сферу.

Указанные разногласия стали явными в конце 2000-х – начале 2010 годов, что проявилось в столкновении России с Западом в Южной Осетии, Сирии, в различии подходов к методам борьбы с мировым экономическим кризисом, в информационной войне против России в преддверии Олимпиады в Сочи и в наиболее острой форме в украинском кризисе.

Частично под влиянием обстоятельств, частично по своей воле Россия стала первой крупной страной «не-Запада», бросившей ему вызов. Вызов проявляется и в противостоянии политике Запада по важным для России международным вопросам, и в стимулировании создания альтернативных Западу политических институтов, в усилиях по созданию альтернативных западным платёжных, валютных и инвестиционных институтов, собственных рынков, находящихся вне политического, финансового и нормативного контроля Запада.

Запад при лидерстве США также консолидирует свои рынки, формируя собственные торгово-экономические объединения.

Географическая конфигурация новых рынков демонстрирует тот факт, что в современном мире доминирует тенденция к формированию гигантских региональных или квазиглобальных рынков, построенных по идеологическому и

геополитическому принципу. Проявляются первые признаки новой биполярности, в этот раз её видимыми чертами становятся торговля и финансы.

Список литературы

1. Авдеева Д.А., Акиндинова Н.В., Волков М.В., Кондрашов Н.В., Миронов В.В., Осипова О.А., Петрови́ч М.В., Пухов С.Г., Суменков В.В., Сафарова Г.З. Разработка модели долгосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей стран – участниц ЕЭП (Белоруссии, Казахстана) и Украины. Центр развития НИУ ВШЭ. 2012 [Avdeeva D., Akindinova N., Pukhov S., Kondrashev V., Osipova O., Petronevich M., Sumenkov V., Safarova G. Developing a Model of Long-Term Forecast of Major Macroeconomic Indexes of Common Economic Space participating countries (Belarus and Kazakhstan) and Ukraine. HSE Development Center, 2012] (http://dcenter.ru/science/DC_CIS_NIR_2012.pdf).
2. Братерский М.В. Невоенные рычаги внешней политики России: региональные и глобальные механизмы. Москва:, 2013, с. 67–107 [Bratersky M. Non-military Instruments of Russia's Foreign Policy. Moscow: 2013, p. 67–107].
3. Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций. Киев 2015 [East-Ukrainian Conflict in the Context of Global Transformations. Kiev 2015].
4. Интервью В. Путина газете «Аль-Ахрам» 9 февраля 2015 г. // V. Putinn's Interview to Al Ahram 9.02.2015 (http://www.bbc.com/russian/international/2015/02/150208_putin_ukraine_donbass).
5. Ионин А. Технологический альянс вместо Североатлантического. // Россия в глобальной политике. 2015, № 36 [Ionin A. Technological Alliance instead of North Atlantic One]. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Tekhnologicheskii-alyans-vmesto-Severoatlanticheskogo-17502>).
6. Караганов С.А. Евразийский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. Май – июнь 2015. [Karaganov S. Eurasian Exit from the European Crisis// Russia in Global Affairs, May – June 2015]
7. Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.С. Прогнозирование экономического развития России, Белоруссии, Казахстана и Украины в рамках единого экономического пространства. [Klotzvog F., Suhotin A., Chernova L. Forecasting the economic development of Russia, Buelorussia, Kazakhstan and Ukraine in the Framework of Common Economic Space] (<http://institutiones.com/general/1425-prognozirovanie-ekonomicheskogo-razvitiya.html>).
8. Лукьянов Ф. Россия и не-Запад / Российская газета, 25.06.2014 [Lukyanov F. Russia and the Non-West / Rossiyskaya Gazeta, 25.06.2014].
9. Оценка внешнего долга Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2015 г. [Foreign Debt of Russian Federation on 1.06.2015] (http://cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=itm_47538#CheckedItem).
10. Сургуладзе В. Зачем нужны общие ценности / Газета «Завтра» 25.02.2014 [Surguladze V. Why Common Values / Zavtra, 25.02.2014].
11. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы, 2005, Т.3, №3, с.33-44 [Tzygankov A., Tzygankov P. Crisis of Democratic Peace Idea//International Processes, 2005, vol. 3, No. 3, p. 33-44].
12. Axelrod R., Keohane R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. In Oye K.F. (ed.) Cooperation under Anarchy. Princeton, 1986. 246 p.
13. Cohen B. The Political Economy of Currency Regions. in Mansfield D., Milner H. The Political Economy of Regionalism. N.Y.: 1997. P. 50-76.
14. Deutch K. W. et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957. 228 p.

15. *Krugman P.* Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes. In De Melo J., Panagariya A. (eds.) *New Dimensions in Regional Integration*. N.Y., 1993. P. 58-89.
16. *Lipsey R.* The Theory of Customs Unions: A General Survey // *Economic Journal*, Vol. 70, 1960. P. 496-513.
17. *Low P.* The Role of Services in Global Value Chains / *Global Value Chains in a Changing World* (https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_part1_e.pdf).
18. *Meade J.E.* The Theory of Customs Unions. Amsterdam, 1955. 121 p.
19. *Overholt W.H.* China and Globalization. Rand Corporation Report. 2005.
20. *Palan R.* "Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation scholarship", *Review of International Studies*, Vol. 33, Supplement, *Critical International Relations Theory after 25 years*, April, 2007, p.47-69.
21. *Skyler J. Cranmer, Elizabeth J. Menninga, and Peter J. Mucha.* Kantian Fractionalization Predicts the Conflict Propensity of the International System. doi: 10.1073/pnas.1509423112. (<http://www.pnas.org/content/early/2015/09/02/1509423112.abstract?sid=de070e86-2b06-4f86-b403-009f2846b9ee>).
22. The United States after Unipolarity. LSE Ideas Report. December 2011, London (<http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/SR009.aspx>).
23. *Viner J.* The Customs Union Issue. N.Y., 1950. 557 p.

How Russia and United States Shape the Governance Structures of World Economy: Emerging Bipolarity of the 21st Century

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No. 3, p.3-18)

Received 3.09.2015.

BRATERSKY Maksim Vladimirovich. Higher School of Economics – National Research University: 20, Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russian Federation Institute for USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebnaya per., Moscow, 121069, Russian Federation (bratersky@gmail.com)

Acknowledgment: the article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Humanities (project 14-07-00059).

Russian foreign policy today makes accent on developing alternative payment, currency and investments institutions as well as markets free of political, financial and normative control by the West. The West is gradually abandoning the strategy of maintaining global liberal economic order based on US leadership, and instead is consolidating markets around itself, developing its own trade and economic associations.

Geographic boundaries of these markets point at the fact that the dominating tendency in the modern world is to develop gigantic regional and quasi global markets on ideological geopolitical principles. In this process we can see the first indications of a new bipolarity, and the visible features of emerging bipolarity are trade and finance. This process has become especially pronounced in the course of the Ukrainian crisis.

Keywords: *regional economic associations; new bipolarity; gigantic markets; Ukrainian crisis.*

About the author:

BRATERSKY Maksim Vladimirovich, Doct. Sci. (Political), professor; senior researcher.